

СВЕРСТНИКИ, УШЕДШИЕ В ВЕЧНОСТЬ

В предвоенном Кацбахе его так и звали: «Чапай». Свое прозвище Вася Дородников обожал. Навеличивал себя Василь Ивановичем.

Из окрестных сел съезжались в «Казьбу» школьники. На пороге, как повелось, встречал всех Чапай, по-свойски, а то официально-призывным колокольчиком. Дородниковы (семья в семь человек) жили при школе. Мать работала уборщицей.

Горлопан, любитель Маяковского, по-хорошему нахальный, он заключал в себе возможности вожака. Вася был отличником и старостой класса.

С измательства Дородников готовил себя к подвигу. Ушел на Отечественную и, как многие, не вернулся. Добрая половина мальчишек того замечательного нашего класса осталась на полях сражений. Вспоминаем их в минуту душевной тишины, перед именами их поклоняемся. Ветераны войны несут тяжкий груз неизбежной боли за утрату сверстников. Чувство вины за то, что жить остались, это — высшая награда, а товарищи — убиты. Они тоже могли бы жить, работать, любить женщин, растить детей. Но их нет. Ушли молодыми, не изведав самой жизни. Личной твоей вины в том нет, и все-таки...

Бытует расхожая мысль: погибли самые лучшие, цвет нации, а уцелели те, что похуже. Юноши, ушедшие в небытие, действительно не успели еще натворить прегрешений, остались душевно и телесно кристально чистыми. Вот так, без суетных возражений, не так уж далека от истины эта мысль.

Мысленно ставлю небольшой наш кацбахский класс в две шеренги — живые и мертвые. В линейке убиенных — правофланговый Володя Санцаков, богатырь старорусского гвардейского вида. По всем статьям надлежало бы то место отдать Чапаю, да росточек не позволял — «метр с кепкой». Позади Дородникова лишь Костя Смирнов да Ванюшка Мельчаев — последний, правда, из здравствующих. Зато все прочие стоят впереди. Среди них особо приметны Михаил Литвинов, Петр Корнев, Сергей Смирнов. Редко кто добыли эти училась в нашем классе. Мы с Петей Солнцевым, к примеру, на голову рослее Чапая, а в порядке перед нами маячат Миша Толмачев и Вася Несенюк. Однако отсчет идет не от них — от Миши Чернухи. Здесь, в шеренге, должен стоять отнюдь не замыкающим Сашка Землянский, Нефедович — будущий военфельдшер, лейтенант медицинской службы.

Несенюк, Санцаков, Чернуха, как бы стеснясь роста, ходили сутулясь, втягивая голову в плечи, а Дородников, напротив, по-чапаевски гордо — прямо орел! Все показано, картинно, лицедействовал он в образе. Залюбуешься таким. Вася направленно шел к ясной цели. В обозримом времени виделся краскомом с «кубарями» в петлицах.

Отец Толмачева работал старателем. Миша помогал родителю, подымал воротом шахтную бадью, качал на прииске насос. Знал цену труда ради единого грамма металла из многопудной породы. Он и в школе, как старатель, грыз гранит науки, откусывая граммами драгоценные знания. Переросток, он имел годовой пропуск в занятиях. Одноклассники, сильные ученики, этикие зубры, а Чапай — зубр из зубров, помогали товарищу.

Наш преподаватель литературы Н. Н. Пушкарев тоже погиб на фронте. И тут самое время сказать: в шеренге, где правофланговый Санцаков, по праву надо поставить Николая Николаевича. Строй учеников, отмеченных судьбой, увел учитель в бессмертие, и среди них своего любимца — Чапая. Мститесь: эта серая шинельная цепочка вольным, походным шагом удаляется от нас через огнестрельную метель в туманную вековечность.

Писал Чапай левой рукой. В правой таилась некая ограниченность. Вел левую поверх строчки, казалось, сек-

ретничая, закрывал написанное. Путь в военное училище был заказан Василию, и отнюдь не из-за руки, а запретом пресловутой «линии»: отца Ивана забрали органы НКВД. Старший Дородников, надо полагать, обвинялся в организации казачьего мятежа.

Мы, школяры, бегали глазеть на занятия кружка «ворошиловских кавалеристов». На площадке фехтовальщики показательно рубили лозу, шашками снимали с трехметровой высоты подвешенные кольца. Лучшим джигитом был Иван Дородников. В молодости, говорят, при полной рыси коня умел он ловко загresti с земли узелки с подарками. Вася ходил гоголем, гордый за удачу отца. А Сережка Смирнов прошелся в адрес боевого наркома, луганского слесаря: тому бы таким кавалеристом быть. Сергей, сын красного партизана, отличался смелостью суждений. Как-то Костя Смирнов пересказал услышанное в колхозной бригаде, будто Буденный рубил белых от плеча до пояса на развал, а Ворошилов отчекривал шашкой головы, как капусту. Сплюнув, Сергей обозвал Костю сказочником. Некий социальный криминал довел над сознанием будущих защитников Отечества. В нем таилась вина перед обществом и чувство собственной ущербности. У Кости Смирнова отца тоже ночью увезли на «черном вороне» сотрудники НКВД. Он, как Дородников, стал сыном «врага народа». Друг мой Петя Солнцев — сын красного партизана, но даже у него не все ладилось в социальном положении. Жил с дедом, а старик оказался ярым противником колхозов. Мне явно не лстило, что мой родителю, будучи оренбургским казаком, служил у белых.

Все как-то смешалось. Еще вчера М. И. Стрелков, предсовета, увлеченно рассказывал о партизанском походе от горы Извоз до Кунгурских пещер. Теперь красноармеец помалкивал. Михаил Иванович был контужен, голова приметно подергивалась. А тема Блюхера-братца Кашириных стала жизненно опасной. Запрет этот вылился в дикий ералаш. Мы херили абзацы в учебниках истории, вырывали страницы текстов и портреты Тухачевского, Егорова — таких же, как Василий Блюхер, маршалов, опытных военачальников.

Петр Корнев, по ранжиру за Сергеем, вероятно, был наиболее «неблагонадежным». Отец, бывший ценовальник, т. е. продавец винной лавки, оказался не до конца раскулаченным. Иван Петрович, инвалид, ходил на липовой ноге и, когда садился в чей-либо избе, клал скрипучую деревяшку вдоль лавки, от стола к печке, как оружие на выстрел. Умный и злой по-серьезному. Ногу ему измолотило со снапами барабаном конного привода. Дом у Корневых отобрали, увезли в совхоз «Путь Октября». На их лошади Карьке в начале тридцатых ездил председатель Браилковского колхоза Воронов (заметим

между строк — родитель будущего автора романа «Юность в Железнодорожье»). На стройку в Железнодорожье, как и на лесозаготовки, колхозного ценовальника сослать не представлялось возможным. Бедолага пристроился счетоводом Черкасинской МТС. Переноса события того времени в наши дни, иногда рассказывают, будто сын раскулаченного пошел на фронт в первые дни войны. Такое не могло состояться. Репрессированным оружие в руки не давали. Мой товарищ Глеб Мазин из пятой фельдшерской группы, созревший доброволец, ждал вожделенную повестку два долгих года. Надо было понести огромные людские потери, чтобы позволить таким парням исполнить священный долг перед Родиной. Помню, как завидовали нам, уходящим на фронт, ребята из спецпоселка Центрального. В их глазах стояли слезы обиды...

Когда запеваля нашего класса Дородников начал «Три танкиста, три веселых друга», никто из нас не знал, что XIV партконференция секретно заслушала доклад товарища Ворошилова. Неприглядным было в Красной Армии обеспечение техникой. Оно составляло всего... 15 процентов потребности. Мы, юные, упивались обманом: выше всех, дальше всех, быстрее всех... В действительности не хватало 45 тысяч танков, 300 тысяч автомашин. Нарком уж без секретов победно докладывал: «Из Красной Армии в 37-38-ом годах вычистили более 40 тысяч человек... Из 108 членов Военного Совета осталось 10 человек. (Аплодисменты)». Завтрашнюю схватку с фашизмом мы встречали, обескровив себя. Было ли такое в истории человечества? Запомнить бы нынешнему поколению, осмотреться вокруг и выше, следует ли отдавать власть в руки одному человеку — диктатору.

Наш Дородников-Чапай надеялся стать военным, ведь товарищ Сталин сказал: «Сын за отца — не ответчик». А куда Вася учился в педтехникуме, другие сотоварищи учились тоже в техникумах — медицинском и индустриальном. Так тогда назывались средние учебные заведения Магнитогорска. Жил Чапай в комнате-пенале у тети. Тогдашний город — барачный: пятый участок, Ежовка, Шанхай, Доменный, Смолоперегонка... Тяжко приходилось. В стипендии накануне Финской войны отказали. Рядом была больница, тоже барачная, а за ней, за забором, располагалась ИТК.

Юность брала свое. Утюжил Вася единственные брюки до бритвенной остроты складок, бегал в Парк металлургов к памятнику Орджоникидзе — условному месту встречи с любимой девушкой.

Помните классически знаменитый кадр кино: В. И. Чапаев за пулеметом. Кинофильм будоражил воображение парней. Страна стояла перед войной. Грозное дыхание ее ощущалось в самом воздухе. Только говорить об этом не разрешалось. На-

род молчал. Мы собирались вести войну наступательную, на чужой территории, бить врага в его берлоге. «Пусть не лезет со своим свиным рылом в наш советский огород», — говорил Ворошилов. Первую нашу победу над японцами у озера Хасан, добытую штурмом, немалой кровью, мы рекламировали так, как нынешнее телевидение — заморские товары. «Ще тильки квиточки, а ягидки, справдаши ягидки ще поприреду» (тоже Ворошилов). Чем же мы думали воевать при отсталой технической оснащенности армии? Ставка делалась на простого советского человека. Чапаевское поколение отдавалось на заклятие. О войне моторов заговорили лишь во второй половине Великой Отечественной войны.

Немцы надеялись на молниеносность ударов, на внезапность окружений. Американцы прикидывали так: тысячи тонн смертоносного груза на город. А уж потом пехота на бронетранспортерах — душа армии. О молниеносности — ни-ни. Янки не торопились. Отношение к нам будущий президент Трумэн определил так: «Пусть русские и немцы как можно больше убивают друг друга». Ничего себе союзничек!

Японская концепция — запугать врага. Соотношение: один японец равен трем русским или пяти китайцам. Самурай не сдается, делает харакири, выпуская собственные кишки. Самоубийцы-камикадзе пикировали на корабли противника вместе с самолетами, начиненными взрывчаткой.

Наша военная доктрина некоторыми положениями была схожа с японской. Летчик, как Талалихин, обязан идти на таран или, как Гастелло, врезаться самолетом в колонну врага. Солдат, как Матросов, — добежать до дота и лечь грудью на амбразуру. Панфиловцы с бутылками горючей смеси отбивали танковую атаку. Потом пропагандисты и идеологи вкладывали в уста павших слова о товарище Сталине. Идея самопожертвования должна была овладеть массами, стать материальной силой при недостатке танков и самолетов.

В первой половине декабря 1941 года подо Ржевом близ деревни Рябинихи в полосе наступления нашей части рядовой Я. Н. Падерин закрыл своим телом амбразуру немецкого дота. Это задолго до Матросова. Однако Падерин лишь повторил подвиг сержанта Васильковского из 355-й стрелковой дивизии. Время требовало повторения неумирающего подвига.

Дитя своего времени Вася Дородников лейтенантом не стал. Его ждал солдатский подвиг. Никто другой не мог за Василия совершить его. К нему он шел всю свою коротенькую сознательную жизнь. По рассказам однополчан, Вася прикрывал отход отступающего подразделения. Умер он за пулеметом. Только у него был не «Максим», а «Дегтярь», иначе все сходилась бы в последнем эпизоде с хрестоматийным Чапаем. Дородников оказался на предназначенном судьбой месте. Память о нем обросла легендой. Было бы сейчас Чапаю семьдесят семь.

Поздний словесный букет, который я смею положить на его безвестную могилу, да не оскорбит милую моей душе тень юного героя.

И. ЕФАНОВ,
инвалид Великой Отечественной войны.

Учредитель — открытое акционерное общество «Магнитогорский металлургический комбинат» (455002, Кирова, 93).

И. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА В. Л. РЫБАЧЕНКО.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. МИНУЛЛИНА, М. КОТЛУХУЖИН, Ю. ПОПОВ, В. РЫБАК.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

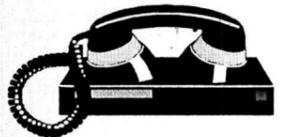
В. РЫБАК.

РЕДАКТОР-СТИЛИСТ

Л. БЕЛОВА.

ВЕРСТКА И ОФОРМЛЕНИЕ:

И. ЖУРАВЛЕВА, Т. РУСИНОВА.

ПРИЕМНАЯ

(отдел рекламы) — 33-47-04.

Зам. гл. редактора — 33-76-04.

Компьютерный центр — 33-40-35.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ ОТДЕЛОВ:

промышленности — 33-31-33;

молодежи, культуры — 33-14-42;

литературы, газеты в газете «Ветеран» — 33-33-09.

Фотокорр — 33-07-98.

Газета зарегистрирована Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации (г. Екатеринбург). Регистрационный № Е-0370.

В течение года выпускается 250 номеров. Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам.

Письма и рукописи не рецензируются.

Позиция авторов публикаций может не совпадать с позицией редакции.

За достоверность рекламы, объявлений, программ телевидения редакция ответственности не несет.

Компьютерная верстка и набор выполнены в редакции газеты «Магнитогорский металл».

Отпечатано ЗАО «Магнитогорский дом печати» (455000, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69).

Подписано в печать 1.03.2000 в 16.00. Заказ № 963. Объем 2 печ. листа. Печать офсетная. Тираж 33779.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

455002,

пр. Пушкина, 6.

ИНТЕРНЕТ:

http://www.mmk.ru/